

УДК 809.423-3
DOI 10.17223/18137083/55/25

Т. Б. Тагарова

Иркутский государственный университет

К изучению фразеологических единиц бурятского языка как элементов лингвокультуры

Статья посвящена фразеологическим единицам как элементам бурятской лингвокультурологии, которая находится еще в стадии начала своего развития. Утверждается значимость фразеологии бурятского языка в формировании культурно-языковой компетенции. Культурно-языковая компетенция формируется на основе текстов культуры, на знании стереотипов, символов, эталонов, мифологем и т. д., являющихся операциональными единицами анализа культурно-национальной картины мира. Фразеологические единицы выполняют культурологические функции за счет образного основания и отображают духовный, социальный и материальный виды культуры. При этом фразеологические единицы могут участвовать в демонстрации всех видов культуры независимо от принадлежности какому-либо дискурсу, становясь языковым выражением стереотипов, символов, эталонов, мифологем. Фразеологические единицы бурятского языка отображают как универсальную, так и национальную специфику картины мира, концептуализируя действительность.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурно-языковая компетенция, фразеологическая единица бурятского языка, эталон, стереотип, мифологема, символ, концепт, языковая картина мира, духовная, социальная, материальная культура.

В последние десятилетия в лингвистике наметился переход на антропологическую парадигму исследования, на изучение языка как живой речетворческой деятельности, связанной с самосознанием языкового коллектива и личности. Бурное развитие переживает сравнительно новое направление – лингвокультурология. В. Н. Телия определяет лингвокультурологию как дисциплину, исследующую «прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия, 1996, с. 218]. Культурно значимыми оказываются не только языковые единицы,

Тагарова Татьяна Бороевна – доктор филологических наук, профессор кафедры бурятской филологии Иркутского государственного университета (ул. Чкалова, 2, Иркутск, 664025, Россия; boroevna@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 2
© Т. Б. Тагарова, 2016

обозначающие культурно-маркированные реалии, но и те, в которых культурная информация находится на более глубинном уровне семантики.

Например, серия фразеологических единиц (ФЕ) со словом *нюдэн* 'глаза', выступающим в метафорическом связанном значении, несет культурно значимую информацию: *нюдэндөө галтай* 'с огоньком в глазах' – жизнерадостный, полный энергии (букв.: в глазах с огнем); *нюдэн дээрэ* 'на глазах' – в присутствии кого-либо (букв.: на глазах); *хулгай нюдөөр* 'воровато, искоса, скрываясь (смотреть)' (букв.: вороватым глазом); *нюдэ сабиангүй* 'не моргнув глазом, не мигая'; *нюдэнэй сэсэгы мэтэ* 'как зеницу ока' – как что-то очень ценное (беречь) и т. д.

Этот тип информации связан, во-первых, со значимостью такого органа, как глаз, посредством которого получается максимальная информация о мире; во-вторых, с категорией личности в современной культуре, где ее положительными, «эталонными» атрибутами считаются честность, жизнестойкость, открытость и т. д.

В данной статье мы ставим задачу рассмотреть роль фразеологических единиц в культурологическом познании мира.

А. В. Кунин дает следующее определение: «ФЕ – это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением, можно сделать вывод, что это значение может быть семантически связано с другим, соответственно логично вести речь о синонимичных, антонимичных и других способах выражения фразеологических единиц» [Кунин, 1987, с. 273]. Теория А. В. Кунина основана на концепции определенного постоянства фразеологического уровня; ФЕ характеризуется определенной минимальной неизменностью. Исследователь разделяет понятие постоянного использования, структурное и семантическое постоянство значения и лексических составляющих, морфологическое постоянство и синтаксическое постоянство. Их степень может варьировать и образовывать определенные пределы, но как бы степень постоянства не оказывала влияния, именно идиоматическое значение является характерной чертой ФЕ. В трудах А. В. Кунина фразеологические единицы систематизированы по семантическим группам: синонимам, антонимам, омонимам, полисемантическим фразеологизмам, наиболее употребительным в английской и американской литературе [Там же, с. 129].

Фразеологический фонд языка – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в нем как бы законсервированы представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении и т. д. В. Н. Телия ведущую роль в лингвокультурологии отводит анализу ФЕ: «Лингвокультурологический анализ ставит перед собой цель изучения способности фразеологических знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как “остов” его ментальности, и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах различных типов» [Телия, 1999, с. 15].

На наш взгляд, справедлива точка зрения на поговорки, заключающаяся в том, что обладающие целостным обобщенно-переносным значением поговорки могут рассматриваться как фразеологизмы с замкнутой предикативной структурой [Солдуб, Альбрехт, 2002, с. 195].

Среди ФЕ есть множество возникающих или регулярно воспроизводимых в определенном типе дискурса, который мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида. По выражению Н. Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1988]. С данным определением перекликается и следующее мнение: «...термин “дискурс”, как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию “текст”, однако подчеркивает динамический, разворачи-

вающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Иногда “дискурс” понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (т. е. текст); именно такое понимание является предпочтительным»¹.

Например, ФЕ *нирваанда ошохо* ‘вознестись на небеса, умереть’ (букв.: уйти в нирвану, рай); *замбида төөрихэ* ‘не быть в состоянии переродиться, найти свое перерождение’ (букв.: заблудиться между верхним и нижним мирами); *бурханай мэдэлэй* ‘бог знает’ (букв.: в ведении бога) относятся к религиозному дискурсу, буддизму.

Хэтын инаг дуран ‘вечная любовь’, *түрүүшын дуран* ‘первая любовь’, *сэдьхэлэй гуниг* ‘грусть души’ часто встречаются в поэтическом дискурсе; *ништын хүдэлмэри* ‘общественная работа’, *ашаглалгада оруулха* ‘ввести в эксплуатацию’, *шагналда хүртэхэ* ‘удостоиться награды’ – в официально-деловом дискурсе и т. д. Данные словосочетания устойчивы и служат маркерами текстов, в которых они фигурируют, соотнося их с тем или иным дискурсом.

В последние годы в монголоведении заметно растет интерес к лингвокультуологии. Так, в этом ключе известны труды таких ученых, как Г. Ц. Пюрбеев, Ж. Баянсан, Л. Г. Скородумова, Т. С. Есенова, Д. Д. Санжина, Г. А. Дырхеева, Е. А. Бардамова, Н. П. Дондокова, Д. Б. Сундуева, Б. В. Дашиева, Ж. Б. Жалсанова, Е. С. Бадмаева, С. Ц.-Д. Дашиева, Б. Хабтагаева, Д. П. Хинзеева и др. Но, несмотря на достижения в этом направлении, многие вопросы все еще требуют своего изучения, в частности, интерес вызывают отдельные составляющие концептосферы, концепты, отражающие культуру народа.

В языкознании сложилось четкое определение концепта как сгустка культуры в сознании человека; того, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Концепт – единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры, – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации; оценки и т. д. [Степанов, 2004].

Известно, что язык не только закрепляет и хранит в своих единицах концепты и установки культуры, но через него эти концепты и установки воспроизводятся в менталитете народа из поколения в поколение. Через функцию трансляции культуры язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности, что особенно актуально в условиях глобализации, ведущей, как можно полагать, к унификации всего. Это касается носителей языка немногочисленных народов, таких как буряты, для которых остро стоит вопрос сохранения своего языка и культуры.

Владение культурной коннотацией, т. е. умение интерпретировать образно мотивированные единицы языка через соотнесение их с категориями культуры, формирует особый тип компетенции носителя языка, который назван В. Н. Телия культурно-языковым.

Языковая картина мира предполагает наличие у носителей языка определенного набора общих фоновых знаний, связанных с элементами культуры. Под категориями культуры понимаются стереотипы, символы, эталоны, мифологемы

¹ Кибрик А., Паришин П. Дискурс // Онлайн-энциклопедия. URL: http://encyclopaedia.big.ru/enc/liberal_arts/DISKURS.html

и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом-носителем того или иного языка.

Система образов, закрепленных в ФЕ языка, аккумулирует мировидение: образные основания так или иначе связаны с духовным, социальным и материальным типами культуры.

По Ожегову, «СТЕРЕОТИПНЫЙ. <...> 2. *Перен.* Повторяющийся в неизменном виде, шаблонный» [Ожегов, 1973]. Так, к социальному типу культуры можно отнести большую часть паремиологического фонда языка, представляющего собой стереотипы народного самосознания: *ябаһан хүн яһа зууха, хэбтэхэн хүн хээли алдаха* ‘под лежащий камень вода не потечет’, ‘кто ищет, тот всегда найдет’ и т. д. (*букв.*: идущий кость возьмет в зубы, лежащий живот потеряет). Здесь транслируется стереотип жизнестойкости, выживания, связанный с движением (движение – это жизнь). Также в ФЕ *гарынь ганзагада, хүлын дүрөөдэ хүргэхэ* ‘поставить на ноги, вывести в люди’, т. е. подготовить детей к самостоятельной жизни (*букв.*: руки до тороков, ноги до стремян довести) демонстрируется стереотип народа, представляющий взросление детей по мере развития их навыков садиться на коня, ездить на коне, т. е. самое важное умение для кочевника. Или *эрын яһан аянда, агтын яһан хээрэ* ‘мужчины смерть в пути, рысак – в степи’ (*букв.*: мужчины кости в пути, рысак кости в степи) отражает стереотип мужчины, который всегда в пути, в поиске. *Эхэнэргүй эрэ – эшээнгүй тарбаган* ‘мужчина без женщины словно сурок без норы’ отражает неприятие обществом человека без семьи, без своего дома.

Знаками национальной социальной культуры также являются характерные для данной лингвокультурной общности слова-символы, замещающие в языке те или иные идеи: *гар* ‘рука’ – символ власти, подчинения, например, в ФЕ *гартаа бариха* ‘держат в руках, кому-л. подчинить кого-л. себе’. *Хатуугаар лэ хамаг юумые гартаа бариһан хүн байна даа. Бишье баһал энэ хүнэй һабарта хулганаан шэнгээр оробоб* (Ц. Галанов. Хун шубуун)² ‘Твердо все в руках держит этот человек. И я, какмышь, попал в лапы этого человека’ Данный символ, очевидно, универсален для многих языков. ФЕ *мүр дээрээ тархи шэрэхэ* ‘голова на плечах’ – о ком-л. с трезвым рассудком – включает в себя голову, часть тела человека, как символ разума, и т. д.

Эталоны можно отнести к духовному типу культуры. На наш взгляд, к этой группе можно отнести ФЕ эстетического и этического уровней. Изучение эталона как лингвокультурологического явления в бурятоведении еще не предпринималось. В словаре С. И. Ожегова дается такое толкование: «ЭТАЛОН, а, м. 1. Точный образец установленной единицы измерения. <...> 2. *Перен.* Мерило, образец. *Служить эталоном для кого-чего-н.*» [Ожегов, 1973].

Здесь в первом значении отражается представление о той области знаний человека, где требуется точность в измерении, т. е. в точных науках, технологиях и т. д. Для нас важно второе значение, образованное на основе метонимии, образность же – одна из главных черт ФЕ, лексем, способствующих раскрытию эталонности.

Таким образом, для лингвокультурологии как одного из направлений когнитивной лингвистики эталоны – это то, в чем образно измеряется мир. Эталоны эстетического характера имеют яркую национальную окраску. Например, в русском языке «толстый, как бочка» соответствует бурятской ФЕ *танха шэнги* ‘толстый, тяжеловесный’ (*букв.*: как чугунный кувшин, употребляющийся при выгонке молочной водки); красивые глаза ассоциируются у бурят с черемухой – *мойһон*

² Контексты приведены из [Фразеологический словарь..., 2014].

харахан нюдэтэй ‘с глазами как черная черемуха’; *ногоони нюдэн шэнги* ‘с глазами как у изюбрихи’; о губах говорится *улир шэнги уралтай* ‘губы как дикие яблочки’; о бровях – *нидхэшни ниидэхээ байһан хараасгай шэнги* ‘брови как ласточка, собирающаяся лететь’ (Д. Улзытуев. Ая гангын орон) и т. д. Эти эталоны отражают национальное мировидение и национальное миропонимание, собственное национально-типическое соизмерение явлений мира.

Для носителей бурятского языка *буха* ‘бык’ – эталон глупости и упрямства, а также силы и мощи, неукротимости, способности преодолевать любые преграды (*мухар үхэр (буха) шэнги* ‘как комолый бык’); *Амба сарай ядагар эбэртэл һарагар һара харанхы хүйтэн огторгойгоор удаахан холжорно* (Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай) ‘По холодному темному небу медленно скользит луна (месяц?), подобная рогам огромного вола’ (пер. наш. – Т. Т.); *тэмээн ямаан хоёр* ‘верблюд и коза’ (≈ слон и москья) – эталон противопоставления, контрастивности крупного и мелкого: *Тогоон Бүүбэй хоёры тэмээ ямаан хоёр гү гэхээр* (Ж. Балданжабон. Бүргэд); *хонин* ‘овца’ – эталон безобидности, кротости (*хэбтэһэн хони бодхоохогүй* ‘лежащую овцу не поднимет’ (≈ и мухи не обидит), *хонин шэнги* ‘как овца, покорный, кроткий’) и т. д. Для носителей бурятского языка *тэмээн* ‘верблюд’ коннотирует свойства глупости и упрямства, что получает воплощение не только в предикативной функции экспрессивной метафоры (высказывания типа *гооногор тэмээн* ‘важничавший’ (перен.)), но также в ФЕ и сравнениях, например, в пословицах: *һуушын тэмээн хүндэтэй* говорится об опоздавшем (букв.: последний верблюд уважаем); *тэмээн томодоо найдаа* ‘сила есть – ума не надо’ (букв.: верблюд понадеялся на свою величину) и т. д.

Образы животных, бытующие в одном ареале культуры, отличны от содержания тех же денотатов в других языках. Так, змея на Востоке – эталон мудрости или женского изящества, но в бурятском языке *могой* ‘змея’ – эталон коварства: *могойн эрэн газаагаа, хүнэй эрэн зосоогоо* (букв.: змеи пестрота снаружи, человека пестрота внутри). Эти зоонимические метафоры представляют собой образы-эталоны в обиходной языковой картине мира. Они основаны на подмене свойства человека животным, имя которого становится знаком некоторого качества, главного для этого животного с точки зрения обиходного опыта народа. В роли эталонов могут выступать не только явления природы, но и явления и ситуации повседневной жизни, например: *шатажа байһан шүрбэһэн шэнги* ‘как горящее сухожилие’ – эталон взрывного темперамента, *гахайн байра* ‘свинарник’ – эталон неуютного, грязного жилья и т. д.

Показателями духовной культуры являются также и символы. Известно, что *зүрхэн* ‘сердце’ и *эльгэн* ‘печень’ в бурятском языке – это органы, символизирующие различные чувства, переживания: русской ФЕ «сердце кровью обливаётся» есть бурятское соответствие *зүрхэн шуһаар урдаха* ‘кому-либо невыносимо тяжело от душевной боли, страха, тревоги’ (букв.: сердце кровью истекает); *Зүрхэмни улаан шуһаар урдана даа, юушье хэлэхэб* (Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай). А также ФЕ *зүрхөө эдихэ* ‘почувствовать отвращение (к тяжелой работе)’ (букв.: сердце свое съест) – употреблена Д. Эрдынеевым в «Уйлын үри»: *Хүндэ ажалда зүрхөө эдэггүй һаа, һүрхэй хүн болохо!* ‘Если преодолеет отвращение к тяжелой работе, то станет великолепным человеком!’.

Сердце также символизирует и чувство любви: *зүрхэ буляаха* ‘сердце отобрать’ – внушить кому-л. чувство любви и т. д.

Понятие о печени как оместилище чувств отразилось в ФЕ: *эльгэ нимгэн* ‘чувствительный, сердечный’ (букв.: печень тонка): *Унаһые бодхоожо ябадаг, нимгэн эльгэтэй хадань багшадаа манаа мэдэжэ ябаг гэжэ хэлэнэлби* (П. Малакшинов. Багша) ‘Учительница... добросердечная, поднимает падающих...’ и т. д.

Стереотипы проявляются в непредметных именах, т. е. наименованиях внутреннего мира человека – его психологических, интеллектуальных и моральных

качеств, эмоций, а также морально-этических и социальных понятий. Например, в значении таких субстантивов, как *амидарал* ‘жизнь’, *үхэл* ‘смерть’: ФЕ *үхэн амы хоёрой хоорондо* ‘между жизнью и смертью’; *hanaan* ‘мысль’: *үдэрэй hanaan*, *hүнийн зүүдэн* – о неотвязных думах (букв.: дня мысли, ночи сны); *зүн* ‘интуиция’: *зүнгөө төөрихэ* ‘сбиться с пути, растеряться’ (букв.: интуицию потерять); *зөөлэн бүхэдэ дишдэхэ* ‘уснуть’ (букв.: быть побежденным мягким крепышом) и др., сигнификативный компонент значительно преобладает над денотативным. В форме устойчивых и воспроизводимых языковых единиц фиксируются наиболее важные с точки зрения данной лингвокультурной общности признаки концепта.

В русских словосочетаниях «неискоренная лень», «губительная лень», «чудовищная лень» и т. д. лень действует как враждебная сила, она «одолевает», «овладевает», «сковывает», в нее «впадают», ее «искореняют», «пожинают плоды лени» (дурные). Однако наряду с этим существует лень «сладкая», «томная», «задумчивая», которую некто «навеивает» [Опарина, 1999]. В бурятском языке *залхуу* ‘лень’, ‘ленивый’ не употребляется с подобными определениями. Но лени свойственно побеждать – *залхуудаа дишдэхэ*; ленивый не может дотянуться до полки – *залхуугай аман забалтаа хүрэхэгүй*. Лень может быть описана опосредованно, с помощью сравнения с животными. Например: *бодохонь боод гүүтэ, һуухань һубай гүүтэ* ‘встает тяжело, садится легко’ (букв.: встает как стельная кобылица, садится как яловая) и т. д. Под образным основанием подразумевается, что ленивому работать (вставать) тяжело, отдыхать (садиться) легко.

Концепт «лень» соотносится с обиходной системой ценностей народа, в котором труд расценивается как добродетель, а лень, леность – как порок. Эта установка культуры в прямом виде выражена в библейском изречении, универсальна, и предписывает человеку добывать свой хлеб в поте лица. Русская пословица «Кто не работает, тот не ест» соответствует бурятским *ажал хэн ама тоһодохо* ‘кто работает, у того рот в масле’; *ажалгүй алганашье барихагүйи* ‘без труда и окуня не поймашь’ и др.

Концепт «глупость» обозначается не только через ФЕ, включающие наименования головы и ее «наполнения» [Ковшова, 1993] (*тархи соонь хооһон* ‘пусто в голове’, *ухаандань ухана үхөө* ‘ни одной живой мысли’ (букв.: в уме козел сдох)), но и через ФЕ с наименованиями различных объектов живой и неживой природы: *тэнэг хүн тэнгэриһээ нэгэ аха* ‘глупец мнит себя умнее всех’ (букв.: глупец неба на год старше); *тэмээн томодоо найдаа* ‘сила есть, ума не надо’ (букв.: верблюд понадеялся на свою величину); *нойтон мунса* ‘дубина стоеросовая’ – туповатый (букв.: мокрая дубина) и т. д.

ФЕ могут нести сведения о материальной культуре. Культурная информация может быть представлена в лексемах и фразеологизмах, обозначающих идиоэтнические реалии, наименования предметных реалий. Так, в эту группу входят субстантивы *шархи* ‘ичиги’ – вид национальной обуви в составе ФЕ-стереотипа *шархья хатааха* ‘лапти сушить’, ‘коньки откинуть’ и т. д. – умереть (букв.: ичиги сушить) (отражается древний обычай сушить обувь умершего человека); в ФЕ *хэдэргэ шэнги хэлэтэй* ‘язык что помело’, ‘язык как бритва’, ‘острый на язык’ и т. д. (букв.: с языком как кожомьялка, инструмент для выделки шкуры), входит эталон *хэдэргэ* ‘кожомьялка’; в ФЕ-эталоне *адуунайнгаа зэргээр хуугайла* ‘вытягивай ножки по одежке’, ‘живи по своим возможностям’ (букв.: по размеру табуна кричи) эталон – *адуун* ‘табун’ и т. д. Данные языковые единицы отображают элементы кочевого образа жизни бурят.

В ФЕ *нохой тахалха* ‘заниматься бессмысленным делом’ (букв.: собаку подковать) имеется информация-стереотип о невозможности подковать собаку. В ФЕ *нохойн годон* ‘ничтожество’ (букв.: шкурка с ноги собаки – эталон ничтожества) есть информация о том, что из шкурки с ноги собаки нельзя ничего

сшить или если сошьют, то вещь получится никчемной, негодной. Образное основание этих ФЕ демонстрирует отрицательно-оценочное отношение носителей бурятского языка к обозначенным реалиям. Обычно унты шьют из шкурок с ноги крупного животного (олени, например). Добавим, что в приведенных ФЕ отображаются следы кузнечного и скорняжного дела, которыми владели буряты издревле.

Понятие мифологемы в гуманитарных дисциплинах является междисциплинарным. В бурятской лингвокультурологии данная единица еще не изучалась. В лингвокультурологическом аспекте мифологема рассматривается как операциональная единица анализа культурно-национальной картины мира. Из множества определений, как нам представляется, наиболее верным является следующее: «...мифологема – это элемент наивного представления о мире, выступающий в роли результата его когнитивного освоения (определение мифологемы, обращенное к ее психоментальной сущности, характерное для современной когнитивистики)»; а также мифологема – это «лексическая единица знакового характера, выступающая как репрезентант свернутого текста мифологического содержания (мифологема в семиотическом ракурсе)» [Коновалова, 2013]. Архаическое сознание моделировало свой образ мироздания, свою виртуальную реальность, населенную множеством вымышленных персонажей, которые воспринимались как реально существующие рядом с человеком, вокруг него, только невидимые [Там же].

В бурятской лингвокультуре к мифологемам можно отнести связанную с шаманизмом ФЕ религиозного дискурса *шүдхэр абаг!* ‘черт возьми!’, отображающую поверье о том, что душу человека может забрать нечистая сила.

Традиционно воплощение зла *шүдхэр* ‘черт’ в народной языковой картине мира противопоставляется образу *бурхана* ‘бог’. Вместе с тем общеизвестно, что Будда, основатель буддийского учения, является учителем, не богом.

Мифологема *шүдхэр, ада* (бурят.), *чөтгөр, ад* (х-монг.), *чөткр* (калм.) ‘черт’ отражает веру в существование подземного мира, ада, где есть такие существа и куда попадают люди за тяжкие грехи в наказание. Так, ФЕ бурят. бран. *шүдхэр абаг!*, калм. *чөткрт одтха!* ‘черт возьми!’, бурят. *ада үзэхэ* ‘ненавидеть’ (букв.: видеть черта); *хара бооходдой* ‘черный, настоящий черт’ и т. д. употребляются в качестве междометий, выражающих эмоции человека. К этому ряду бран. ФЕ можно отнести и *хара золиг!* от религ. ‘кукла для выкупа больного от смерти’; х-монг. *золигт гаргах* ‘отправить кого-л. в качестве золика на тот свет’; *хара ороолон* ‘оборотень’ и т. д. В языковой картине мира это мифическое существо – антипод бога, стремящийся низвести на нет благодетеля: х-монг. *бурханыг чөтгөр дагах* ‘рядом с хорошим бывает и плохое’ (букв.: за богом следует черт).

К этому же дискурсу можно отнести и такие ФЕ, как бран. *хара золиг* (вариант *хара шүдхэр*) ‘Черт! Что за черт!’ (букв.: черный *золиг* или *долиг* от религ. ‘выкуп за больного’, фигурка из теста, которым откупались от духов): *Ай хара золиг, нэ-гыень эдижэрхиэн байбалтайш!* – *гээд, нэгэ хулһан таяг шүүрэн абаад, Тахуунай тээшэ бодон харайна* (Х. Намсараев. Тахуунай) ‘Ай, черт этакий, съел одну, оказывается! – сказав так, схватил тростниковую палку и подскочил к Тахуану’; *шүдхэр (үхэдэл) мэдээб* ‘черт знает’: *Колхозоо хайшан абаашажа ябаа юм, шүдхэр мэдэбэ* (Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай) ‘Куда уж колхоз свой ведет, черт его знает’ и т. д.

Таким образом, формирование культурно-языковой компетенции основано на освоении носителем языка культуры через ее тексты – мифы, сказки и предания, религиозные и художественные тексты. Фразеологические единицы выступают в роли показателей эталонов, стереотипов, символов и мифологем единиц бурятской лингвокультурологии, требующей своей дальнейшей разработки. При этом на первый план выходит образная основа фразеологических единиц, которая

позволяет отнести их к одному из типов культуры – духовной, социальной, материальной, а также к определенному дискурсу.

В перспективе исследование бурятской лингвокультурной информации требует соотнесения исследуемых словосочетаний с массивом образных единиц и ФЕ родственных монгольских языков.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Образ: Опыт концептуального анализа // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 11–23.

Ковишова М. Л. «Ум» и «голова» как ключевые слова в составе фразеологических единиц: Опыт сравнения // Прагматика. Семантика. Грамматика: Материалы конф. науч. сотрудников и аспирантов. М., 1993. С. 60–63.

Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика. Вып. 4. Екатеринбург, 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-kak-svernutyu-sakralnyu-tekst>

Кунин А. В. Структурно-семантические аспекты первичной фразеологии // Основы русской фразеологии. М.: Изд-во Пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1987.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Сов. энцикл., 1973.

Опарина Е. О. Язык и культура. М.: ИНИОН, 1999. 109 с. URL: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm

Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М.: Флинта: Наука, 2002. 264 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Акад. проект, 2004. С. 42–67. URL: <http://ec-dejavu.ru/c/Concept.html>

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.

Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы II междунар. конф., 12–14 мая 1999 г.: В 3 ч. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 1999. Ч. 3. С. 14–15.

Феоктистова А. Б. Роль образного основания в формировании семантики и прагматики идиом и его функции. На материале идиом, обозначающих чувства // Семантика языковых единиц: Докл. 4-й междунар. конф. М., 1994. Ч. 2. С. 82–86.

Фразеологический словарь бурятского языка / Сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2014. 565 с.

Список сокращений

Бран. – бранное, **бурят.** – бурятский язык, **калм.** – калмыцкий язык, **перен.** – переносное значение, **религ.** – религиозный, **ФЕ** – фразеологическая единица, **х-монг.** – халха-монгольский язык.

T. B. Tagarova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation; boroevna@yandex.ru

**On the study of the phraseological units of the Buryat language
as elements of lingvoculture**

The paper is devoted to phraseological units as elements of the Buryat cultural linguistics, which is still at the initial stage of its development. The author affirms the significance of the Buryat language phraseology in the formation of cultural and linguistic competence. The cultural and linguistic competence is based on the texts of culture, on the knowledge of stereotypes, symbols, models, myths, etc., which are operational units meant for analyzing the cultural-national world picture. Phraseological units perform culturological functions at the expense of the shaped base and reflect the spiritual, social and material forms of culture. In this case the phraseological units can participate in demonstrating all kinds of culture regardless of affiliation to any discourse, becoming the linguistic expression of stereotypes, symbols, standards, mythologems. The phraseological units of the Buryat language reflect both universal and national specificity of the picture of the world, conceptualizing the reality.

Keywords: cultural linguistics, cultural and linguistic competence, phraseological units of the Buryat language, standards, stereotypes, mythologems, symbols, concepts, language picture of the world, spiritual, social and material culture.

DOI 10.17223/18137083/55/25